

ANCIENT AND MEDIEVAL TURKIC ORATORY

Marsel Khaernasovich Bakirov,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia,
mileuscha@mail.ru

Based on the systematic analysis of Chinese and Byzantine chronicles, as well as on the historical and comparative study of empirical data, the article puts forward and substantiates the thesis of the formation and functioning of the rhetoric art in Turkic-speaking tribes during different periods of time. The primary consideration is given to the Eurasian Huns, who founded their states during the period of passionarity power in the East and the West. The Eastern Huns were not only at war with the ancient Chinese, but developed economic and cultural ties which eventually led to the development of oratory in tribes of the Eastern Huns before the Common Era. The Western Huns continued this tradition, which was later developed in the texts of governors' and beys' speeches, diplomatic negotiations, and written monological monuments of ancient and medieval Turks including Orkhon runic monuments, which, in our viewpoint, are characterized by the predominantly rhetoric style.

Key words: folklore, rhetoric, oratory, speech, style, figures and forms of speech, runic inscriptions.

1. Rhetoric Begins with the Huns

It is widely known that oratory, presenting an "interchange" between poetry and fiction appeared, in ancient Greece and Rome. In the culture of antiquity, rhetoric, as an art studied public speaking. However, in ancient China, whose subjects had regular economic and cultural ties with the Huns, oratory appeared much earlier.

Today, we can find ancient samples of art in such antique monuments as "The Discourses of the States" (985-453), the chronicle "Spring and Autumn" (722-481 BC), and the collection "The Discourses of the Warring States" (the 5th –3d centuries BC). However, it is not surprising, that like in ancient China, there was a custom of keeping a record of wangs', high officials', high-rank officers', ambassadors' and philosophers' speeches on bamboo or wooden tabulae; and due to this custom, there was a special institute of scribes and logographers [1: 59-60].

L. D. Pozdneva explains the role of oratory and cult of rhetoric in the ancient epoch through the example of the Chinese in the following way: "Oral speech, being more ancient, more habitual and more developed, progressed faster than written speech which could fix the former and win public confidence. In those times, learning arithmetic and writing was considered to be the lowest stage of education, and studying rhetoric was the highest one. The position of a scribe in the social hierarchy was lower than that of an orator, since the former was considered an artisan, and the latter was reputed a nobleman, who acted as a counselor or a diplomat at court" [2: 22, 43]. Proceeding from this

peculiarity, the researcher reveals a very important feature of the Chinese oratory: "The works of oratorical art are presented in China mainly in oral tradition, which, at first, preserved some common features with folklore; an orator plays the part of a possessor of the same folk wisdom and continues the tradition of oral transmission" [2: 43].

In our research, we focus on the oratory connected with folklore, because the mastery of orators, their power of emotional impact, and speech imagery in many ways depend on their adherence to the traditions of folklore, which is an art of oral speech. However, we are simultaneously interested both in the way oratory, being an ancient type of individual creative work, absorbed and transformed the achievements of folklore, and in the character of impact it had on ancient poetic speech and written monuments.

According to the results of the research, our ancestors, the Huns, also had the art of rhetoric or oratory, and it developed considerably due to the impact of Chinese culture. While our ancestors nomadised in North China in the province of Gansu, they did not only make wars, but actively established commercial and cultural links with the inhabitants of the Heavenly Empire. They maintained these links even when they moved to the territory of Mongolia in the Ordos Desert. On the doorstep of the Common Era, having consolidated their position on the Northern borders of China and having found themselves under its patronage, they experienced a very strong beneficial influence of their neighbors [3: 150-151]. The mutual contacts were maintained after the collapse of the Han Dy-

nasty, when the internal regions of China were flooded by masses of Huns, who later founded their small states in 307–460 AD [4: 46-48; 5: 10-12].

Chinese culture penetrated into the Hun tribes in different ways: through defectors or emigrants taken prisoners; with the assistance of the statesmen of Chinese origin who went across to the Huns (Zhao Li, Wang Huan, Liu Yuan, Li Ling, Zhonghan Yue, Wei Lu); due to the influence of the Chinese princesses who came to the chanuys' headquarters with their suite according to "peace and kinship" treaties. Besides, before the beginning of the Common Era, chanuys tended to send their sons as prisoners to the Chinese Emperors' palaces, with the aim to be educated and employed to serve in the Emperor's guard [4: 71, 121, 150-159]. All that contributed to the spread and development of oratory among ruling and public managing circles of the Huns. Due to the above-mentioned facts, and the reports of Chinese secret agents, the speeches of the Hun nobles were fixed in the Chinese chronicles.

In the 4th century, "during the period of sixteen states of five tribes", small Hun states began to appear in rapid sequence on the territory of North China. One of them, the State of Zhao (304-325), was founded by Liu Yuan-hai, who was among Modu Chanuy (Bahadur)'s heirs. It is clear, that Turkic governors had their Old Turkic names, however they were not fixed in the Chinese sources. Emphasizing his high status, he pompously declared: *'I have more than 100 thousand warriors and each of them withstands ten Jianci (Chinese people)... I can found a state similar to the one created by the Han Emperor Gaozu, or at worst I will not yield to the creator of the Wei Dynasty (the Tabgach state – M.B.)'* [5: 38]. Liu Cong, the son of Liu Yuan-hai, who succeeded the throne after his father, was also considered to be a wise man of authority with a passionate poetic soul who left over a hundred of lyric verses [5: 38, 39].

Another state of the Huns, Northern Liang (397-439), also named as Hexi, "the diamond of Northern countries" (and which was the birthplace of the Turkic clan Ashina – M.B.), was founded by Tszyu-Qu Meng-Sun. This imposing Hun was also well educated and read in Chinese, had a good understanding of Astronomy, and was notable for his quick and sharp tongue. As his contemporaries thought, his astute mind was "unnatural for a human".

The capital of Northern Liang – Lanzhou was not inferior to Tszyankanu (the variant of Nanjing),

the capital of Southern China [4: 146-148]. By calling this state "the diamond of Northern countries", Buddhist scholars meant its zeal for the development of science and culture. After Meng-Sun had extended the boundaries of his state, he changed its name to Hexi, and ruled under the title of Hexi-wang. To his people he sent the following written text compiled according to the oratory traditions of those times: *'Constantly grieving for the innocent people in despair, I do not have time to sit in tranquility; my body is tired of armor and helmet, and I myself am tired of winds and dust of fields, although I have crushed the enemy... There comes the time when we can release our horses to graze on the slopes of Tzyng Chan (the Golden mountains)'* [5: 121-122].

The Hun kingdom Xia was founded to the West of the river Huang He almost simultaneously with Northern Liang (Hexi) (407-431). Its founder Helian Bobo (Baba, meaning *father*, is one of the remaining Hun Turkic eponyms) descended from the clan of Liu Yuanhai (the heir of Modu), the founder of the third Hun state "Early Zhao". Having been enthroned, he immediately sent his assistant U Logu to Meng Sun, the head of Northern Liang, to propose a solemn compact and to transmit his message, which is a true specimen of oratory: *'...The domain of Zhao and Wei were reduced to ruins full of snakes, the regions of Qin-zhou and Lunchzhou were covered with burrows of jackals and wolves, the two holy capitals were overgrown with lush grass. When the mindless people did not know who to rely on, Heaven, repenting the miseries it had sent to them, handed the destiny to our two houses, placed the houses next to each other, established the relationships based on justice and affinity between us. Therefore, we should strengthen peace and friendship to retain our states and our domains. We can glorify the will of heavenly and earthly spirits only after concluding the oath about our alliance; we can establish immutable friendship only if we possess unanimity, which gives us the power capable of cleaving metal'* [4: 147].

Helian Bobo aimed to restore the former power and glory of the Huns and opposed to building castles and palaces and living there in the Chinese luxury. Defending the lifestyle and the war tactics of early Huns, he expresses his opinion in the following way: *'We shall perish if we lock ourselves in some town. We shall run around like the steppe wind rushes on the enemy's head, if he protects his tail, attacking his tail, when he hides his head. We shall exhaust them, and in ten years time the whole*

North will be ours. As soon as Yao Sing, whose son is dull, dies, I will seize Chang'an' [4: 147]. These words, as we can see, capture the Huns steppe dynast traditional rhetoric and worldview.

In our view, the specimen of oratory, which is the brightest reflection of the Huns lifestyle, is connected with the people surrounding Hu Hanye, the chanuy of the Southern Huns. When the Huns of Central Asia (Mongolia) were threatened with the loss of statehood and physical destruction (54 BC), the eastern prince ichzhitszy-Prince advised him to submit to China. The Hun chanuy, who regarded China as his mortal foe, was not ready to agree immediately. Therefore, he passed the following proposition to the council of elders, i.e. heads of nomads' camps and clans. All of them were strongly against their consolidation with China. In their refusal speech, outlined in the chronicles, they declared the following: *'We must not do (it). According to the customs, for Xiongnu (the other name of Hunnu – M.B.) the greatest values are pride and power, the least one is fulfilling their duties. They create their state fighting on horseback. Horseback fighting is our supremacy, therefore we frighten all the peoples away. Death in battle is the destiny of a strong warrior. <...> Although the Han is strong, he is not able to conquer a Xiongnu. So, how can we serve the Han [dynasty] as a vassal in conflict with the ancient laws, disgracing the names of the deceased chanuys and exposing ourselves to ridicule from all the domains! Though peace comes, how shall we prevail in the future of all nations?'* [6: 34-35].

The ichzhitszy-Prince of the Eastern (left) land, who had advised Hu Hanye to do the opposite, objected in the following way: *'It is not true, there is a season for everything – for power and for weakness... At present, the Han [dynasty] has reached its bloom... From now on, if we serve the Hans, we shall find peace and life; if we do not serve them, we shall expose ourselves to danger and death'* [6: 35].

The monologic and dialogic texts above were registered due to memorization or as fixation of elders' speeches, because the fact that they depict the views of both parties, expressed by the Huns before their submission to China, gives rise to no doubt. It is remarkable that they were constructed with the rhetorical figures of speech, emotional rhetorical questions and logical evidence, designed for auditory perception and aimed at persuasion.

A relevant question arises: was oratory typical only of the Asian Huns, or did European Huns also form and develop this type of public speeches, as

well as other genres, also considered in this article (proverbs, songs, spells)?

In our investigation, we give an affirmative answer to this question. In particular, the Gothic historian Jordan preserved the records of the Byzantine ambassador Priscus speeches that have come to us in the form of extracts. One of them describes the battle of Catalaunian Fields (451). This description contains Attila's speech, addressed to his troops before the clash of the Huns with the combined forces of the Roman Byzantine Empire and its allies – the Germanic tribes and Alan (the text is abridged): *'... Despise those multilingual tribes gathered here: by defending oneself with allied forces you betray your fear. Look! Even before your attack your enemies are petrified with horror, they are looking for heights and barrows on the plain... Let your spirit rise up! Let your rage boil!... No arrows can reach those seeking victory, but those doomed may perish even in times of peace. Finally, why did the Fortune make the Huns the conquerors of so many tribes, if not [to subdue them and make them their vassals]. And who, in the end, being reserved and concealed for so many centuries, opened for our ancestors the way to the Meothides [who showed the Huns the way through the Meotian lake]? Who then forced the armed to retreat before the unarmed? .. I have no doubt in the outcome. Here is the field that promises good luck! And I shall fire the first arrow at the enemy. Those who can dwell in peace, when Attila fights, are already buried'* [7: 106-107].

Obviously, Priscus, who knew Attila, compiled this speech basing on the survey of Catalaunian battle participants, relying on the information preserved in their memory. This can probably explain a certain roughness of the text. Nevertheless, there is no reason to doubt that the train of thoughts and expressions, contained in the text, brought to us the very content and pathos of the Huns leader's speech. It can be exemplified by the legend, mentioned by Attila, which tells about the sacred deer that showed to the Huns the pass from the Meotian Lake (the Sea of Azov) to the Black Sea coast [8: 16; 9: 408]. According to the text, this new born legend was familiar to the soldiers only, and it was to them the speech was directly addressed, but for the Byzantine historian, who was Attila's contemporary, it was unknown.

Thus, the oratory was familiar both to the East Asian Huns and the Huns of the West, settled in Europe. They very well knew both the rhetorical techniques and fictional, diplomatic and socio-political styles related to oratory. In other words,

the Huns did not restrict themselves only to the development of various genres of poetry based on both the ritual and mythological syncretism, and non-ritual and non-magic source, but were also able to master the skill of rhetoric – the art of oratory. Being placed between poetry and prose, this art in its early stage was closely associated with folklore and colloquial speech. But later, having merged with the culture of writing, it had significant influence on the development of oral-intonational verse and emotional rhythmic prose.

2. The Turkic Peoples are the Successors of the Hun Traditions

A peculiar continuation and development of the Hun traditions of oratory can be found in the socio-political life and the writing culture of early and late Turks. The earliest recorded data of the rhetorical speech used in the highest quarters refer to the period of the Turkic Khaganate existed in the 6th -8th centuries. The earliest evidence or the example of this may be words, pronounced by the son of the Turkic Kagan Dizavula (Istemi) Turk-sanfa, and recorded by the Byzantine historian Menander in 576, by which he sharply criticized the covert policy pursued by Byzantium-Rome against the Turk Empire. Those words thrown in the face of Byzantine ambassadors, certainly, present a fine example of rhetoric, which Turkic governors used. They, in particular, vividly present trenchant rhetorical formula, allegories, witty comparisons, and antitheses, reinforcing accusations and inherent in oratory: *'Are you not the very same Romans who use ten languages as one deception?'* Having said these words, he stopped his mouth with his ten fingers, and then continued: *'The same as I now have 10 fingers in my mouth, you, the Romans, have many languages. You use one to deceive me, another to – deceive my slaves the Varhonits (he meant the Avars). Caressing and deluding all peoples with your art of speech and your cunning souls, you pay no regard to them when they plunge headlong into trouble, and you benefit from this ... It is alien and unnatural for a Turkic man to lie. So, the king of yours in due time will receive punishment for talking to me in a friendly voice and concluding a treaty with the Varhonits, my slaves who escaped from their masters at the same time'* [10: 418, 419].

In our opinion, the narrative style of the Orkhon epitaph inscriptions, devoted to the rulers of the Turkic Khaganate, their glorious and dramatic story, is also of rhetorical character. This means that the epitaphs on the tombstones dedicated to

such historical figures as Kul-Tigin, Bilge Khagan, Tonyukuk represent not the poetic type of speech, as some scholars have tried to prove (I.V. Steblova), but the rhetorical one related to oratory, since they do not possess the canonized meter inherent in poetic speech. The style of these texts, based mainly on rhythmic prose, is notable for the fact that a direct participant or a witness of the events states their thoughts in the form of address to their fellow tribesmen, people who are close to them and beys, i.e. the texts are close in character to the speech-telmar addressed to a specific audience.

A reasonable thought arises that these texts were composed by the rulers themselves or with their direct participation during their lifetime, and Yollig-Khaagan was actually a scribe who put the Turkic runes on a stone.

In addition, there is another interesting marker, typical of the style of these inscriptions: the author or narrator deliberately and repeatedly refers to his story, using an ancient Turkic word *"sub"* (*sab/sav*), meaning *"speech"* / *"telmar"*, and many times appeals to his tribesmen *"hear"*, *"listen"* to my speech: *sabīmīn tükāti ešidgil, bu sabīmīn edgütiešid, qatirdi tñla*. In these texts, which remind a lyric-epic monologue, the sporadic appearance of rhythmic turns of speech similar to proverbs, and the fragments close to poetic genre, does not contradict the rhetorical style, but rather enriches the rhythmic intonational sounding of such texts. At the same time in the Orkhon inscriptions, alongside with rhetorical speech, a kind of epic narrative and certain techniques inherent in the poetic manner of epos also appear, albeit just occasionally. Here are the samples of Bilge Khagan's speech, addressed to his nearest and dearest and the subjects, taken from the Minor inscription in honor of Kul-Tigin:

Tängi täg täñrida bolmiš
Türk bilgä qagan by ödkä olurtim.

Sabımyñ tükāti äšidgil:
ilaju inijigünim joglanım,
biriki ogusım budunım,
birijä sab-арыт bağlär,
jыраja tarkat bujыruq bağlär.

*Equal to Heaven, born by Heaven
wise Turkic Khagan, I have acceded [to the
throne].*

*Listen to my speech until the end (all through),
my younger kinsmen following me, my sons,
my allied tribes [and] peoples,
beys shad [and] apa [standing] on the right,*

beys tarkhans [and] governors [standing] on the left [11: 27,33].

Toquz oguz bāglāri budunı
bu **sabıymın** ādgūti āšid, qatırdı tynla.

*People [and] beys of the Tocuz Oguzes,
Listen to my speech, grasp it firmly.*

The Khanate's appeal to the Turkic people (türk budun) and beys (türk bāglār) is intertwined with rhetorical exclamations and rhetorical questions inherent in oratory:

Azu bu **sabıymda** igid bargı?
Türk bāglār budun buni āšidiñ!

*Do I have any lie in my speech?
Beys [and] Turkic people, listen to this [11: 28, 34].*

In short, we have no doubt that the Orkhon inscriptions are based on the canons of rhetoric, i.e. the style and poetics of rhetorical speech prevail in them. We can add that the ancient monument "The Tale of Igor's Campaign", which aroused a lot of controversy before, is now also considered to be a product of rhetorical work with regard to its rhythm, genre and style. In his research, the expert in ancient literature I.P.Eremin came to the following conclusion: "The Tale of Igor's Campaign" is not a poem, and not a "military" tale. "The Tale of Igor's Campaign" is a work of oratory by nature, the only extant monument of secular epideictic eloquence of Kievan Rus' " [12: 162-163].

In the period of the Turkic Khaganate, the use of rhetorical-expressive speech was fairly widespread. The runic inscriptions on Turkic warriors' and beys' gravestones scattered on the territory of Mongolia, Tuva, Khakassia and Siberia, as well as emotional texts on mountain cliffs and high river banks testify to the fact. As an example, there is a kind of laconic formula on the sandstone bank of the river Tuba in Eastern Siberia (1) and on a cliff of Tepsey mountain near the Yenisei (2).

1. Jüz jaşajın
Taңım ačuk bizkâ
Idil jârimâ bāngü balbal.

*[Let us] live up to one hundred!
Tengri (Heaven as the God) is our roof.
The everlasting Balbal (Kurgan stelae) should be
made for my land Idel [13: 66].*

2. Er (jer) tebšej kičig qutlug kičig
Teңrim üčük bizke

Idil jerim a bēngü bol.

*Tebschey Kichig (the name of the sacred cliff) is
the happy Kichig.*

*Tengri is the roof (cover) for us.
May my country Idel exist for ever [14: 69].*

Oratory was obviously not alien to the Turks for later periods. The outstanding turkologist V.V. Radlov, while explaining how and through which individuals oratory appeared among the Uighurs, writes the following: "Among the Turkish Uighurs Kamas are considered learned people and thanks to them the art of writing, rhetoric, astronomy, sorcery appeared" [15: 62]. V.Radlov's contemporary A.Kalachev, in his turn, reports that the Teleuts' masters of oratory are called "kozhonche" (in the Altai language *kozhoñ* means *song*) and gives a high rating to their work: "These singers and the people who are generally able to speak smoothly and in rhyme are highly respected among the Teleuts.<...> At trial a kozhonche defends his client eloquently, always speaking in rhyme; the same kozhonche is necessarily present at meetings and gatherings, where he speaks to the audience in rhyme as well, defending one or the other proposal. He enjoys everybody's respect, his apt words are remembered and passed from person to person in the form of proverbs" [16: 491].

The same is true of the Turkic peoples, such as the Kyrgyz and the Kazakhs. It is worth recollecting that after the birth of the Kyrgyz epic hero Manas, his father Zhakyp, having organized a large toi (feast), held a poetic bard-akyn contest. Competitions of this kind were also related to the art of oratory. It should be noted, that there were similar competitions for kozhonche – the Teleut singers. As for the Kazakhs, they have preserved more materials of their ancestors' oratory, and exposed them to study (at least in general terms) to a greater extent than other peoples. They trace the origins of this type of national speech traditions, which played an important role in their history and the art of speaking, back to the legendary personality of the Kipchak Maiki-bi, who probably lived in the 12th century. An ancient saying has been preserved up to now: "Түгел (бетен) сөздің түбі бир/(бер), түп атасы Майкы-би" – 'All the words have the same root, and Maiki-bi is their forebear'. In the following centuries, the traditions of oratory were developed by gifted speakers as Zhirenche chechan, Asan Kaigy, Ayazbi, Tuli, Kazbek, Srym Datov, Isatay Taimanulu and Makhambet Otemisulu [17: 15]

It should be noted, that Uzbeks, who had their statehood and fairly developed spiritual culture in the Middle Ages, highly valued the art of oratory and worked to develop it. The Uzbek scientist S. Inomhodzhiev writes the following: "In Khorasan, oratory ("ylmi mav-iza") reached its peak alongside with poetry and music in the era of Alisher (the second half of the 15th century). This is evidenced by a number of literary monuments represented by collections of speeches and lessons. Among them, we can mention "The Key to Speech" by an unknown author, "The Garden of Speakers" by Samarkand, "Luxury of Assemblies" by Mazh-didi, "Speaker's Satellite" by Cindy and many others" [18: 62, 63]. Today we know the names of such ancient speakers of Central Asia as Mavlon Husain Vaiz Kashifi (died in 910/1504) and Moein Vaiz Mavlon Reiz, the contemporaries of A.Navoi. At their times they spoke and preached in mosques, madrassas, turbes, mausoleums and folk gatherings. Rhetoric as a special discipline was taught in the theological schools of Central Asia.

It is evident that the tradition of oratory was manifested not only in speeches and presentations of gifted speakers in socio-political and public life, but they also found expression in the works of folklore, particularly, in the eposes-dastans, a bright example of which is a well-known medieval Turkic Dastan "Oguz-Nameh", created in the Oguz-Turkmen environment and built on the intermixture of prose and poetry. There, the largest part of Oguz Khagan monologues, including his speech at the feast, is built on the traditions of rhetorical style.

It should be emphasized that the Bulgars, as well as the Tatars, also developed oratory traditions. Some of these traditions date back to the Bulgarian tribes who lived in the North Caucasus and near the Sea of Azov, the tribe of Savir (variants: Sabir / Suvar), who later became one of the ethnic components of the Volga Bulgars. According to S.Pletneva, the Savirs, who were a part of the Khazar Khaganate at those times, converted to Christianity for a short period of time to secede from the khaganate. Therefore, the delegation under the leadership of the Israeli Bishop came from Caucasian Albania (the territory of present Azerbaijan) in 681-682. They were received with enmity by the local shamans, kamas (or, according to the Albanian-Armenian historian, "sorcerers, diviners, healers, sacrificers") practicing the pagan religion of the Turks – Tengrism. When the people of the Israeli Bishop began to insult their gods and

mock local rites, and afterwards decided to cut down a large oak tree which was a symbol of Khan Tengri, the sacrificers and the shamans, having allied themselves with local people, made an appeal to the head of the Savir tribe and his attendants. The appeal to those who were responsible for the people's fate and their faith had to be convincing, therefore, it was built on the figures of speech inherent in rhetorical style: *'What do you think of, how dare you, how can you do what our adversary [the Bishop], the enemy of our gods, is telling you – to cut down that tree! Why do you obey everything he says? Why did you agree to break, destroy and demolish our temples and altars built by our fathers? .. After all, when you worshipped and offered sacrifices and gifts to the trees devoted to the almighty god [Tengri Khan], you would receive everything you asked for and found the good: the sick were healed, the poor got the fortune, in times of drought and hot weather their power brought rains. For your sake, we would stop torrential rain and restrain thunderous indignation and sparkles of lightning from the clouds ... You should not renounce and depart from our true gods, worshipped by our ancestors and you, you should not abandon them and give them into our enemy's hands so he could break them and trampled underfoot'* [19: 22-23]

Later on, the traditions of rhetoric and oratory were developed by the Tatars, the successors of the Bulgars living on the Volga-Kama and in other regions. One of the earliest successors of these traditions was Kol Sharif, the poet and the head of the Kazan Khanate's clergy, who displayed his talent in oratory both in socio-political activities, and in his poetic creativity.

Among the prominent Tatar personalities living in the 17th century, we can single out the author of "Žamigyt-tävarih" (1602) Kadyrgali Bey, who possessed brilliant abilities in rhetoric. Being the Siberian Khan Kuchum's former chief adviser, who took part in the Kasim Khan Urazmuhammed's accession to the throne and enjoyed special prestige from Moscow, this bey begins his work with an odic dedication – praise to Boris Godunov, where he tries to portray him as the common father of all the Russian and non-Russian peoples and spares no colors to represent him as an intelligent, strong and fair ruler. Here are the extracts from the laudatory dedication: *'Your throne is mountain-like, and your people are like the shadow of their sovereign; your personality is moon-like, your justice is like a cloud, your actions are like mercy, your benevolence is like the sea – long live in peace the*

honorable Boris Khan! .. Your light is like the moon and like the sun for the peoples. And all the Russians and the Tatar ... have the only Khan named Boris! .. Your deeds will not run out, your treasury will never be exhausted, even if scattered to the four winds, they will not diminish. Those who will meet your grace will never grieve. Praise you, Boris Khan! [20: 69-71].

The praising speech mentioned is based on the traditions of rhetoric and oratory. The Kazakh scholar Ch.Valihanov, when defining the speech and style of this part of the work, wrote that it was "a remarkable monument of Tatar panegyric (panegyric in Greek means "a solemn patriotic speech")" [21: 144]. The Tatar scientist Ghali Rahim notes: "In his panegyric in honor of Boris, written in rhymed prose, Kadyrgali Bey's syllable rises to a climax of beauty and solemnity, being thus the supreme example of fiction style of those times" [22: 135-137]. The Tatar scholar Mirkasym Usmanov emphasizes the connection between this text and the traditions of folklore and writes the following: "The folklore tradition is even more appreciable in Kadir-Alibek's panegyric. We seem to deal with a master of Turkic oral folk art, an eloquent chechan, rather than a professional writer, who had a ready pen" [20: 69].

Since both oratory and folklore represent oral folk art, i.e. they are directly related to speech and its execution, their close connection and interdependence are caused by the influence of folklore on oratory.

According to our observations, the oratory of the Tatars did not disappear in the next centuries, and continued to exist, acquiring various forms. As one of the branches of oratory and eloquence realized itself in the sphere of social thinking and politics, the other one won the heights in the field of culture and literature.

References

1. Smolin T.I. Istochnokovedenie drevney istorii Kitaya. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1987. 184 s. (in Russian).
2. Pozdneva L.D. Oratorskoe iskusstvo i pamyatniki Drevnego Kitaya // Vestnik drevney istorii. 1959. №3 (69). S. 22-43. (in Russian).
3. Gumilev L.N. Khunnu: stepnaya trilogiya. Spb.: «IKA Taym-aut: KOMPASS», 1993. 224 s. (in Russian).
4. Gumilev L.N. Khunnu v Kitae. M.: Nauka, 1974. 272 s. (in Russian).
5. Materialy po istorii kochevykh narodov v Kitae III-V vv. Vyp. I. Syunnu / Perevod i kommentariy V.S.Taskina. M.: Nauka, 1989. 287 s. (in Russian).
6. Materialy po istorii syunnu (po kitayskim istochnikam). Vyp. II. M.: Nauka, 1973. 171 s. (in Russian).
7. Jordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov. M.: Nauka, 1960. 436 s. (in Russian).
8. Gadlo A.V. Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV Kh vv. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1979. 216 s. (in Russian).
9. Dzhaforov Yu.R. O proiskhozhdenii drevnikh bulgar // Fol'klor, literatura i istoriya Vostoka. Tashkent: Izd-vo «Fan» Uzb. SSR, 1984. S. 408-418. (in Russian).
10. Menandr Vizantiets. Izvestiya // Vizantiyskie istoriki. Perevod s grecheskogo Spiridonom Destunison. Spb. 1860. 446 s. (in Russian).
11. Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 451 s. (in Russian).
12. Eremin I.P. Literatura drevney Rusi. M.-L.: Nauka. 1966. 263 s. (in Russian).
13. Malov S.E. Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 116 s. (in Russian).
14. Klyashtorny S.G. Runicheskaya epigrafika Yuzhnoy Sibiri (naskal'nye nadpisi Tepsey i Turana) // Sovetskaya tyurkologiya. 1976. №6. S. 69-78. (in Russian).
15. Radlov V.V. K voprosu ob uygurakh. Spb. 1893. 130 s. (in Russian).
16. Kalachev A. Poezdka k telengitam na Altay // Zhivaya starina. Spb. 1899. Vyp. III-IV. S. 491-510. (in Russian).
17. Adambaev B. Kazakhskoe traditsionnoe oratorskoe iskusstvo i rechi, svyazannye s imenem Sryma: avtoref. kand. diss. Alma-Ata, 1962. 15 s. (in Russian).
18. Imonzhodzhiev S. Navoi i oratorskoe iskusstvo // Zvezda Vostoka. 1968. № 9. S. 62-71. (in Russian).
19. Pletneva S.A. Khazary. M.: Nauka, 1976. 93 s. (in Russian).
20. Usmanov M.A. Tatarskie istoricheskie istochniki XVII-XVIII vv. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1972. 221 s. (in Russian).
21. Valikhanov Ch.Ch. Izvlechenie iz «Zhamigyt-tavarikh» // Sobranie sochineniy v 5 tomakh. T.1. Alma-Ata: Izd-vo AN Kaz. SSR, 1961. S. 142-168. (in Russian).
22. Rakhim G. O novom spiske tatarskogo istoricheskogo sochineniya XVII veka // Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya. 1927. №7. S. 133-148. (in Russian).

ИСКУССТВО КРАСНОРЕЧИЯ ДРЕВНЕЙШИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКОВ

Марсель Хаернасович Бакиров,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д.2,
mileuscha@mail.ru

На основе системного анализа китайских, византийских летописных источников, а также историко-сравнительного изучения разнородных фактических материалов в статье устанавливается и обосновывается формирование и функционирование искусства красноречия у тюркоязычных племен и народов в разные периоды истории, при этом в первую очередь рассматриваются евразийские хунны-гунны, которые во времена их пассионарного могущества на Востоке и на Западе создали свои державы. Восточные хунны не только враждовали и воевали с древними китайцами, но и имели с ними экономические и культурные связи, и именно благодаря этому у восточных хуннов еще до н.э. зародилось и получило развитие риторическое искусство. Эта традиция продолжалась и у западных гуннов, а позднее она получила своеобразное развитие в текстах речей правителей и беков, в дипломатических переговорах, письменных памятниках монологического склада у древних и средневековых тюрков. В их числе – Орхонские рунические памятники, в языке которых, на наш взгляд, участвует и даже превалирует риторический стиль.

Ключевые слова: фольклор, риторика, ораторское искусство, речь, стиль, фигуры и формы, рунические надписи.

1. Риторическое слово начинается с хунну-гуннов

Ораторское искусство, или красноречие, появившееся в античную эпоху, как известно, участвовало в «кровообмене» между поэзией и художественной прозой. В античной культуре сформировалась наука риторика, занимающаяся изучением ораторского искусства, а в Древнем Китае, с подданными которого наши предки-хунны жили в соседстве и имели регулярные экономические и культурные связи, ораторское искусство возникло еще раньше. Древние образцы этого вида творчества дошли до нас в таких старинных памятниках, как «Речи царств» (985-453 гг. до н.э.), через летописную книгу «Весна и осень» (722-481 гг. до н.э.) и сборник «Речи борющихся царств» (V-III вв. до н.э.). И этому не следует удивляться: еще в древнейшие времена в Китае существовал обычай записывать речи ванов, высших сановников, военачальников, послов и мыслителей на бамбуковое дерево или деревянные дощечки; функционировал институт писцов-логографов, связанный с этим обычаем [1: 59-60].

Вот как объясняет Л.Д.Позднева – на примере китайцев – ту роль, которую играло ораторское искусство, культ красноречия в древнюю эпоху: «Устная речь – более древняя, привычная и развитая – шла впереди речи письменной, которая еще не успевала фиксиро-

вать устную и завоевать общественное доверие. Изучение письма и счета в те времена считалось низшей ступенью в образовании, красноречия – высшей; положение писца в обществе было ниже, чем оратора, – первый считался ремесленником, второй – человеком благородным, который выступал в роли советника или дипломата при дворе царя» [2: 22, 43]. «Произведения ораторского искусства в Китае представляют преимущественно как устное творчество, которое сохраняет вначале общие с фольклором черты; оратор выступает хранителем той же народной мудрости, продолжает традицию устной передачи» [2: 43].

В ходе исследовательской работы мы стремились выявить характер взаимосвязи ораторского искусства и устного народного творчества, ибо мастерство оратора, сила эмоционального воздействия, образность его речи во многом зависели от приверженности традициям фольклора, который также является искусством изустного слова. В то же время нас заинтересовал процесс поглощения и трансформации ораторским искусством достижений фольклора, а также его воздействие на древнюю поэтическую речь и на письменные памятники.

Как свидетельствуют наши исследования, искусство риторики, или красноречия, у наших предков-хуннов развивалось под влиянием культуры китайцев. Наши предки уже с той по-

ры, когда кочевали по территории Северного Китая, на землях провинции Ганьсу, не только воевали, но и активно общались, устанавливали торговые и культурные связи с населением Поднебесной; они сохранили эти связи и тогда, когда переселились на территорию Монголии, в Ордос. На пороге новой эры, закрепившись на северных границах Китая и оказавшись под его покровительством, хунны также испытывали благотворное воздействие своих соседей [3: 150-151]. Взаимные контакты не прекращались и после распада империи Хань, когда во внутренние районы Китая в массовом порядке хлынули хунны и создали свои небольшие государства (307-460 гг.) [4: 46-48; 5: 10-12].

Китайская культура в хуннскую среду проникала разными путями: и через перебежчиков или попавших в плен эмигрантов, и при содействии государственных деятелей китайского происхождения, переходивших на службу хуннам (Чжао Ли, Ван Хуан, Лю Юань, Ли Лин, Чжунхан Юе, Вэй Люй), и под влиянием китайских принцесс, прибывших в ставку шаньюй со своей свитой на основании «договора мира и родства». Кроме того, перед началом нашей эры шаньюй южных хуннов (Хуханье, Суэце, Гюйя, Учжулу) посылал своих сыновей в качестве заложников во дворец китайских императоров, так что последние воспитывались там или служили в императорской гвардии [4: 71, 121, 150-159]. Все это способствовало распространению и развитию в хуннской правящей и государственно-управленческой среде навыков и традиций красноречия, об этом свидетельствуют китайские летописи, в которых речи хуннских высокопоставленных лиц были зафиксированы с подачи китайских тайных агентов.

В IV веке, «в период шестнадцати государств пяти племен», на территории Северного Китая одно за другим возникают небольшие хуннские государства. Одно из них, Ранняя Чжао (304-325 гг.), основал Лю Юань-хай – один из наследников Модэ (Бахадур) (у хуннских правителей, разумеется, были и пратюркские имена, но, к сожалению, в китайских источниках они не зафиксированы). Об уровне его красноречия мы можем судить по следующему фрагменту из его речи, обращенной к подданным: «У меня более 100 тысяч воинов, каждый из которых противостоит десяти цзяньцам (китайцам)... Я могу создать государство, подобное созданному ханьским императором Гао-цзу, в худшем случае – не уступлю

создателю династии Вэй (табгачское государство – М.Б.)» [5: 38]. Сын Лю Юань-хая Лю Цун, занявший позже престол отца, также являлся авторитетным, мудрым человеком с пылкой, поэтической душой, который после себя оставил свыше сотни лирических стихотворений [5: 38, 39].

Другое же хуннское государство – Северная Лянь (иное название Хэси, 397-439 гг.), прозванное «бриллиантом северных стран» (из которого, кстати, в свое время вышел тюркский род Ашинэ – выделено нами – М.Б.), основал Цзю-цзюй Мэн-Сунь. Этот представительный хунн также получил хорошее воспитание, прочитал множество книг на китайском языке, хорошо знал астрономию, отличался бойкостью и остротой языка. Современники считали его проницательный ум «противоестественным для человека». Столица основанного им государства Лянчжоу по уровню культуры не уступала столице Южного Китая Цзянькану (вариант Нанкин) [4: 146-148], поэтому ученые-буддисты называли ее «бриллиантом северных стран».

Расширив границы своего государства за счет подчинения близлежащих земель, Мэн-Сунь поменял его название на Хэси и, начиная править уже под титулом Хэси-ван, обратился к подданным со следующим посланием: «Постоянно печалюсь о страданиях невинного народа, я не имел времени спокойно присесть, мое тело утомилось от лат и шлема, а сам я устал от ветров и походной пыли и хотя сокрушал врага... Наступает время, когда мы сможем выпустить лошадей пастись на склонах гор Цзинь шань (Золотые горы)» [5: 121-122].

Почти одновременно с государством Северная Лянь (Хэси) на западе от реки Хуанхэ возникает еще одно хуннское царство Ся (407-431 гг.). Его основоположник Хэлянь Бобо (Баба – отец, одно из уцелевших хуннско-тюркских слов-эпонимов) был выходцем из рода Лю Юань-хая (наследник Модэ), основателя третьего хуннского государства Ранняя Чжао. Заняв трон, он тотчас посылает своего помощника У Логу к главе государства Северная Лянь Мэнь-Суню с предложением заключить клятвенный договор: «... Владения Чжао и Вэй превратились в развалины, наполненные змеями, области Циньчжоу и Лунчжоу покрылись норами шакалов и волков, две священные столицы заросли буйной травой. Когда бестолковый народ не знал, на кого опереться, Небо, раскаявшись в ниспосылаемых бедствиях, вручило

судьбу двум нашим домам, поместило их рядом друг с другом, установило между нами отношения, основанные на справедливости и близости. Поэтому мы должны укреплять мир и дружбу, чтобы у каждого из нас постоянно было государство и владения. Прославить волю небесных и земных духов можно, только заключив клятвенный договор о союзе; установить неизменную дружбу можно лишь при наличии единодушия, дающего силу, способную разрубить металл» [4: 147].

Хэлян Бобо, стремясь вернуть былую мощь и славу хуннов, выступает против строительства крепостей и дворцов, утопающих в китайской роскоши. В своей речи он призывает вернуться к образу жизни предков – ранних хуннов: «Мы пропадем, если запремся в каком-нибудь городе. Будем носиться, как ветер степной, кидаясь на голову врага, если он бережет хвост, нападая на хвост, когда он прячет голову. Утомим и изнурим их, и через десять лет весь Север будет наш. Вот умрет Яо Син, сын которого туп, и тогда я возьму Чаньань» [4: 147]. Нетрудно заметить, что в этих словах запечатлелись как традиции красноречия, так и мировидение степного правителя хуннов.

Когда над хуннами Центральной Азии (Монголии) нависла угроза потери государственности и физического уничтожения (54 год до н.э.), восточный князь ичжицзы-ван посоветовал Хэлян Бобо подчиниться Китаю. Хуннский шаньюю, враждебно относившийся к Китаю, обсудил это предложение на совете старейшин. Главы кочевий и родов выступили против объединения с Китаем и в своей речи отповеди, зафиксированной в обобщенном виде в летописях, заявили: «Нельзя [этого] делать. По своим обычаям сюнну (сюнну – иное название хунну – М.Б.) выше всего ставят гордость и силу, а ниже всего – исполнение повинностей. Они создают государство, сражаясь на коне. Сражаться на коне есть наше господство, и потому мы страшны перед всеми народами. Смерть в бою – удел сильного воина. <...> Хотя Хань сильна, она не в состоянии поглотить сюнну, и разве можно в нарушение древних установлений служить [династии] Хань в качестве вассала, позорить имена умерших шаньюев и подвергать себя осмеянию со стороны всех владений! Хотя и воцарится спокойствие, как мы будем главенствовать в будущем над всеми народами?!» [6: 34-35].

В летописях была увековечена и противоположная точка зрения. Ичжицзы-ван восточной

(левой) стороны, посоветовавший Хуханье обратное, возразил им следующим образом: «Это не так, для могущества и слабости – всему свое время... Ныне [династия] Хань достигла цветущего состояния... Теперь если мы станем служить Хань – обретем спокойствие и жизнь, не станем служить – подвергнем себя опасности и гибели» [9: 35].

Эти фрагменты летописей свидетельствуют о том, что наши предки стремились записывать речи правителей и старейшин в форме монологов и диалогов, сохраняя при этом риторические вопросы и восклицания, рассчитанные на слуховое восприятие и силу убеждения.

Мы считаем, что искусство красноречия было характерно не только для азиатских хуннов, но и для гуннов Европы. В частности, готский историк Иордан сохранил для нас записи византийского посла Прииска, которые дошли до нас в виде отдельных отрывков. Так, например, в описании знаменитой битвы на Каталонских полях (451 год) встречается речь Аттилы, с которой он выступил перед своими войсками накануне сражения гуннов с войсками Римской империи, включавшими в себя германские племена и алан (текст дается в сокращенном виде): «... Презрите эти собравшиеся здесь разноразличные племена: защищаться союзными силами – это призрак страха. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимать курганы в степи... Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость!... Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок подвергает и во время мира. Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы [подчинить их и сделать своими вассалами]. И кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к меотидам, [показавшим гуннам путь через Меотское озеро], столько веков пребывавший замкнутым и сокроуенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных?.. Я не сомневаюсь в исходе – вот поле, которое сулит нам все наши удачи! И я первую пушу стрелу на врага. Кто может пребывать в покое, когда Аттила сражается, тот уже похоронен» [7: 106-107].

Очевидно, Прииск, близко знавший Аттилу, реконструировал данную речь на основе распросов участников Каталонской битвы, опираясь на сохранившиеся в их памяти сведения. Этим, наверное, объясняются шероховатости, встречающиеся в тексте. Послу удалось пере-

дать не только пафос речи гуннского вождя, но и суть его выступления. Чтобы в этом убедиться, достаточно привести в качестве примера упомянутое Атилиой предание о священном олене, показавшем гуннам дорогу при переходе с Меотского озера (Азовского моря) на побережье Черного моря [8: 16; 9: 408]. Ибо из текста вытекает то, что это родившееся только что предание знакомо лишь воинам, к которым непосредственно обращена речь, а для являвшегося современником Атилы византийского историка она была еще новой и неизвестной.

Таким образом, ораторское искусство было хорошо знакомо и жившим в Азии восточным хуннам, и гуннам запада, обосновавшимся в Европе. Они неплохо усвоили риторические приемы красноречия и связанные с ним художественный, дипломатический и общественно-политический стили. Иначе говоря, хунно-гунны не ограничились созданием различных поэтических жанров, опирающихся как на обрядово-мифологический синкретизм, так и на внеобрядовое и немагическое начало, но и сумели овладеть мастерством красноречия – ораторским искусством. Находящееся между поэзией и прозой, это искусство на начальной стадии, разумеется, было тесно связано с устным народным творчеством и разговорной речью. Но позднее, слившись с письменной культурой, оно оказало значительное влияние на развитие говорно-интонационного стиха и эмоционально-ритмической прозы.

2. Тюркские народы – преемники хунно-гуннских традиций

Со своеобразным продолжением и развитием хунно-гуннских традиций красноречия мы встречаемся в общественно-политической жизни и письменной культуре ранних и поздних тюрков. Самые ранние сведения об употреблении риторической речи в высших кругах относятся к периоду Тюркского каганата, просуществовавшего в VI-VIII вв. В качестве одного из ранних свидетельств или примеров можно привести слова сына тюркского кагана Дизавула (Истеми) Турксанфа, зафиксированные византийским историком Менандром в 576 г., где резкой критике подвергается скрытая политика Византии-Рима в отношении тюркского каганата. Текст обвинительной речи в адрес византийских послов изобилует присущими для риторической речи экспрессивно-выразительными средствами – это и меткие выражения, и остроумные высказывания, и сравнения, ино-

сказания, антитезы: «Не вы ли те самые римляне, употребляющие 10 языков и один обман?». Выговорив эти слова, он заткнул себе рот десятью пальцами; потом продолжал: «Как у меня теперь во рту 10 пальцев, так и у вас, у римлян, множество языков. Одним вы обманываете меня, другим – моих рабов вархонитов (он разумел аваров). Лаская все народы и обольщая их искусством речей и коварством души, вы пренебрегаете ими, когда они ввергнутся в беду головой, а пользу от того получаете сами... Чуждо и несвойственно тюркскому человеку лгать. Ваш же царь в надлежащее время получит наказание за то, что он со мной ведет речи дружественные, а с вархонитами, рабами моими, бежавшими от господ своих, заключил договор» [10: 418-419].

Орхонские эпитафические надписи, посвященные правителям Тюркского каганата (Кюль-Тегин, Бильге-каган, Туңьюк), их славной и драматической судьбе, представляют собой не стихотворную речь, как это пытались доказать некоторые ученые (И.В.Стеблева), а риторическую, относящуюся к ораторскому искусству, так как в них нет канонизированного стихотворного размера, характерного для поэтической речи. Стиль этих текстов, основанный преимущественно на ритмической прозе, отличается тем, что непосредственный участник событий или некий очевидец излагают свои мысли в форме обращения к своим соплеменникам, близким людям и бекам, т.е. тексты имеют характер речи-тэлмара для определенной аудитории.

Мы предполагаем, что данные тексты были составлены самими правителями или при их непосредственном участии, а Йолыг-тегин был писцом-исполнителем, который наносил тюркские руны на камень.

Примечательно, что автор (или повествователь) свой рассказ сознательно называет, притом неоднократно, древнетюркским словом «саб» (*sab / sav*), означающим «речь» / «телмар», и много раз обращается к своим сородичам со словами «услышьте», «слушайте» мою речь: *sabimın tükäti ešidgil, bu sabimın edgüti ešid, qatirdi tıñla*. В этих текстах, напоминающих лиро-эпический монолог, спорадическое появление ритмических, схожих с пословицами оборотов и близких к стихотворно-поэтической речи фрагментов отнюдь не противоречит стилю риторической речи, а, наоборот, обогащает ритмико-интонационное звучание подобных текстов. В то же время в Орхонских надписях,

наряду с риторическими фигурами, встречаются приемы, характерные для поэтики эпоса. Приведем образцы обращения Бильге-кагана к своим близким и подвластному окружению из Малой надписи в честь Кюль-тегина:

*Täñri täg täñrida bolmiş
Türk bilgä qagan by ödkä olurtim.
Sabıymın tükäti äşidgil:
ilaju inijigünim joglanım,
biriki ogusım budunım,
birijä sab-apyt bäglär,
jıyıraja tarkat bujıyruq bäglär.*

Небоподобный, неборожденный
тюркский мудрый каган, я ныне сел [на царст-
во]

Мою **речь** слушайте до конца (полностью)
следующие за мной мои младшие родичи, мои
сыновья,
союзные мои племена [и] народы,
[стоящие] справа беки шад и апа,
[стоящие] слева беки тарханы [и] приказные
[11: 27,33].

*Toquz oguz bägläri budunı
bu sabıymın ädgüti äşid, qatırды тынла.*

Народ [и] беки токуз-огузов,
Эту **речь** мою слушайте, крепко ей внимайте.

Обращение каганата к тюркскому народу (türk budun), бекам (türk bäglär) довольно часто переплетается с присущими ораторской речи риторическими возгласами и риторическими вопросами:

*Azu bu sabımda igid bargu?
Türk bäglär budun buni äşidiñ!*

Разве в моей **речи** есть ложь?
Беки [и] народ тюрков, слушайте это [11: 28,
34].

В результате знакомства с Орхонскими надписями мы можем сформировать представление об уровне развития искусства красноречия у наших предков. Интересна точка зрения И.П.Еремина, специалиста по древнерусской литературе, о природе текста «Слово о полку Игореве»: это не поэма и не «воинская» повесть. «“Слово о полку Игореве” – произведение ораторского искусства по своей природе, единственный дошедший до нас памятник светского эпидейктического красноречия Киевской Руси» [12: 162-163].

В период Тюркского каганата речь тюрков изобиловала риторическими фигурами. Об этом свидетельствуют рунические надписи на надмогильных камнях тюркских воинов и беков, разбросанных по территории Монголии, Тувы, Хакасии и Сибири, а также эмоциональные тексты на горных скалах и высоких берегах рек. Вот, например, своеобразные лаконичные формулы, нанесенные на песчаниковый берег реки Тубы в Восточной Сибири (1) и на утес горы Тепсея возле Енисея (2).

1. *Jüz jaşajın
Täñrim açuk bizkä
järimä bänğü balbal.*

Жить до ста!
Тенгри (Небо-божество) – крыша нам.
Вечный балбал (памятник) земле моей – Идель
[13: 66].

2. *Er (jer) tebşej kiçig qutlug kiçig
Teñrim üçük bizke
Idil jerim a beñgü bol.*

Тибшей Кичиг (название сакральной скалы) –
счастливый Кичиг.
Тенгре – крыша (защита) нам.
О моя страна Идель, вечно существуй [14: 69].

Ораторское искусство, естественно, не было чуждо тюркам и в более поздние времена. Выдающийся тюрколог В.В.Радлов, объясняя, как и благодаря каким личностям появилось у уйгуров ораторское искусство, пишет следующее: «Камы считаются учеными среди тюрк-уйгуров и благодаря им возникло у них искусство писать, красноречие, астрономия, колдовство» [15: 62]. Современник В.Радлова А.Калачев, в свою очередь, сообщает, что у телегитов (телеутов) мастеров красноречия называют «кожонче» (по-алтайски кожон – песня), и дает высокую оценку их деятельности: «Эти певцы и люди, которые вообще умеют говорить в рифму, складно, в большом почете у тегенгитов <...> На суде кожонче красноречиво защищает своего клиента, говоря всегда в рифму, тот же кожонче непременно присутствует на сходках и собраниях, где он публично, опять-таки в рифму, говорит, защищая то или другое предложение. Он пользуется всеобщим уважением и почетом, его меткие слова запоминаются и расходятся в форме пословиц» [16: 491].

Так же было в свое время и у таких тюркских народов, как киргизы, казахи. Вспомним, как после рождения героя киргизского эпоса Манаса, его отец Жакып, собрав большой той (пир), провел поэтическое состязание жырау-акынов. Состязания подобного рода также были связаны с искусством красноречия. Аналогичные состязания проводились и между козонче – певцами теленгитов. У казахов сохранилось немало источников, связанных с ораторским искусством их предков. Возникновение искусства слова они связывают с легендарной личностью кипчака Майки-би, жившего предположительно в XII в. На это указывает древняя поговорка: «*Түгел (бетен) сөздің түбі бир (бер), тун атасы Майкы-би*» – 'Корень всех слов один и тот же, основной прародитель их – Майки-би'. Имена таких мастеров риторического искусства, как Жирэнчэ чечан, Асан Кайгы, Аязби, Тули, Казбек, Срым Датов, Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов, стали достоянием истории [17: 15].

Необходимо отметить, что узбеки, имевшие в средневековые государственность и довольно развитую духовную культуру, также очень высоко ценили искусство красноречия и уделяли большое внимание его развитию. Как пишет узбекский ученый С.Имонходжиев: «Наряду с поэзией, музыкой в Хорасане в эпоху Алишера (вторая половина XV века) достигло расцвета ораторское искусство («ылми мавъ-иза»). Об этом свидетельствует ряд литературных памятников в виде сборников речей и наставлений. Среди них «Ключ к речи» неизвестного автора, «Сад ораторов» Самарканди, «Роскошь собраний» Маж-диди, «Спутник оратора» Синди и многие другие» [18: 62, 63]. Из древних ораторов Средней Азии сегодня известны имена Мавлона Хусаина Ваиза Кашифи (год смерти 910/1504) и Муина Ваиза Мавлона Реиз – современников А.Навои. В свое время они выступали с речами и читали проповеди в мечетях, медресе, тюрбе (гробницах-мавзолеях) и на народных сходках. Красноречие в качестве специального курса преподавалось в духовных учебных заведениях Средней Азии.

Разумеется, традиции красноречия проявлялись не только в речах и выступлениях мастеров слова в сфере социально-политической и общественной жизни, но и нашли своеобразное воплощение в произведениях фольклора, в особенности – в эпосах-дастанах. Ярким свидетельством этого является известный дастан тюрков средневековья «Огуз-наме», возникший

в огузско-туркменской среде и построенный на сочетании прозы и отчасти поэзии. В нем большая часть монологов Огуз-кагана и в том числе его выступление на пиру богато риторическими фигурами.

Надо подчеркнуть, что искусство красноречия получило развитие у болгар и татар. Часть этих традиций восходит к болгарским племенам, жившим на Северном Кавказе и вблизи Азовского моря. Мы имеем в виду племя савир (варианты: сабир / сувар), ставшего позже одним из этнических компонентов волжских болгар. По словам С.Плетневой, савиры, входящие тогда в состав Хазарского каганата и, возможно, чтобы отделиться от него, приняли на короткий отрезок времени христианство, и поэтому к ним из Кавказской Албании (территория нынешнего Азербайджана) в 681-682 гг. прибыла делегация под руководством епископа Израиля. Их враждебно встретили местные камы-шаманы (или, говоря словами албаноярмянского историка, «колдуны, прорицатели, знахари, жрецы»), исповедующие языческую религию тюрков – тенгрианство. Когда люди епископа Израиля начали оскорблять их богов и высмеивать местные обряды и решились срубить большой дуб, являвшийся символом Тенгри-хана, жрецы и шаманы, объединившись с местным народом, выступили с обращением к вождю савирского племени и его приближенным. Обращение к ответственным за судьбу народа и его веру должно было быть убедительным, и поэтому оно построено на характерных для риторического стиля оборотах и фигурах: «Что вы думаете, как вы смее, как вы можете делать то, что говорит вам наш противник [епископ], враг богов наших – срубить дерево то! Зачем же вы во всем слушаете его? Зачем вы согласились ломать, разрушать и уничтожить наши капища и жертвенники отцами нашими построенные?.. Ведь когда вы поклонялись и приносили жертвы и дары деревьям, посвященным колоссальному богу [Тенгри-хану], вы получали все, просили и находили добро: больные получали исцеление, неимущие – состояние, во время засухи палящей и знойные, жаркие дни мы силою их вызывали дожди. А также для вас мы прекращали ливневые дожди и умирляли громогласное возмущение и сверканье молний с облаков... Не следует вам отходить и отрекаться от наших настоящих богов, которым поклонялись наши предки и вы тоже, не следует бросать их и

предавать в его руки врага, чтоб он разбивал их и попираал ногами» [19: 22-23].

Поэт и глава духовенства Казанского ханства Кул Шариф проявил дар красноречия как в общественно-политической деятельности, так и в своем творчестве. Среди выдающихся личностей татар, живших в XVII столетии, своим красноречием прославился Кадыргали-бек, бывший главный советник Сибирского хана Кучума, участник восшествия на престол Касимского хана Уразмухаммеда, который имел авторитет в Москве. Свое произведение «Жамигыт-тэварих» (1602) он начинает с одического посвящения – восхваления Бориса Годунова, где старается изобразить его отцом русских и нерусских народов, не жалеет красок, чтобы представить его в качестве умного, сильного, справедливого правителя: «Престол твой горе подобен, народ твой подобен тени государя; личность твоя луне подобна; правосудие твое подобно облаку; действия милости подобны; благодеяния твои подобны морю, – да вкушает мир, да здравствует сотни лет, [о] доброименный Борис-хан!.. Твое озарение народам подобно луне и подобно солнцу. А у всех – русских, татар... есть один хан с именем Борис!.. Твои благодеяния не иссякнут, в казне твоей сокровища никогда не истощатся, и при разделе на все четыре стороны они не убавятся. Кто встретится с твоей милостью, тот никогда не опечалится. Хвала тебе, Борис хан!» [20: 69-71].

Упомянутое вступление-восхваление построено в традициях красноречия, ораторского искусства. Казахский ученый Ч.Валиханов считает, что это «замечательный памятник татарской панегирики (панегирик в переводе с греческого означает «торжественно-патриотическая речь»)» [21: 144]. Татарский ученый Гали Рахим отмечал: «В своем панегирике в честь Бориса, написанном рифмованной прозой, слог Кадыргали-бека поднимается до кульминационной точки красочности и торжественности, являясь, таким образом, высшим образцом тогдашнего художественного стиля» [22: 135-137]. Татарский ученый Миркасим Усманов обратил внимание на связь этого текста с традициями народного творчества: «Но еще больше чувствуется в панегирике Кадыр-Алибека фольклорное начало. Даже представляется, что перед нами не профессиональный писатель, отшлифовавший свое перо, а скорее всего мастер устного народного искусства у тюрков – красноречивый чечан» [20: 69].

Поскольку ораторское искусство и фольклор принадлежат устному творчеству, т.е. связаны непосредственно с речью и исполнением, их тесная взаимосвязь и взаимозависимость обусловлены влиянием на искусство красноречия устного народного творчества.

Как показывают наши наблюдения, ораторское искусство у татар не угасло и в последующие века, а продолжало существовать, приобретая различные формы. Если одна из ветвей ораторского искусства и красноречия реализовала себя в сфере общественной мысли и политики, то другая завоевывала высоты в области культуры и литературы.

Литература

1. *Смолин Т.И.* Источниковедение древней истории Китая. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 184 с.
2. *Позднева Л.Д.* Ораторское искусство и памятники Древнего Китая // Вестник древней истории. 1959. №3 (69). С. 22-43.
3. *Гумилев Л.Н.* Хунну: степная трилогия. СПб.: «ИКА Тайм-аут: КОМПАСС», 1993. 224 с.
4. *Гумилев Л.Н.* Хунну в Китае. М: Наука, 1974. 272 с.
5. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. I. Сюнну / Перевод и комментарий В.С.Таскина. М.: Наука, 1989. 287 с.
6. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. II. М.: Наука, 1973. 171с.
7. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М.: Наука, 1960. 436 с.
8. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1979. 216 с.
9. *Джафаров Ю.Р.* О происхождении древних болгар // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент: Изд-во «Фан» Узб. ССР, 1984. С. 408-418.
10. *Менандр* Византиец. Известия // Византийские историки. Перевод с греческого Спиридоном Дестунисом. СПб. 1860. 446 с.
11. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
12. *Еремин И.П.* Литература древней Руси. М.-Л.: Наука. 1966. 263 с.
13. *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
14. *Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика Южной Сибири (на скальные надписи Тепсея и Турана) // Советская тюркология. 1976. №6. С. 69-78.
15. *Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. СПб. 1893. 130 с.
16. *Калачев А.* Поездка к теленгитам на Алтай // Живая старина. СПб.1899. Вып. III-IV. С. 491-510.

17. *Адамбаев Б.* Казахское традиционное ораторское искусство и речи, связанные с именем Срыма: автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1962. 15 с.
18. *Имонжоджиев С.* Навои и ораторское искусство // Звезда Востока. 1968. № 9. С. 62-71.
19. *Плетнева С.А.* Хазары. М.: Наука, 1976. 93 с.
20. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 221 с.
21. *Валиханов Ч.Ч.* Извлечение из «Жамигыт-таварих» // Собрание сочинений в 5 томах. Т.1. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961. С. 142-168.
22. *Рахим Г.* О новом списке татарского исторического сочинения XVII века // Вестник научного общества татароведения. 1927. №7. С. 133-148.

БОРЫНГЫ ҺӘМ УРТА ГАСЫР ТӨРКИЛӘРЕНДӘ МАТУР СӨЙЛӘҮ СӘНГАТЕ

Марсель Хәernas улы Бакиров,
Казан федераль университеты,
Россия, 420021, Казан, Татарстан ур., 2 нче йорт,
mileuscha@mail.ru

Кытай, Византия чыганаclarын системалы анализлау, фактик материалларны тарихи-чагыштыру юлы белән өйрәнү нигезендә мәкаләдә төрки кабиләләр һәм халыктарда матур сөйләү сәнгатенең бик борынгы заманнарда ук формалашуы һәм кулланылуы ачыклана һәм исбатлана. Монда без, барыннан да элек, пассионар күтәрелеш чорларында Көнчыгыш һәм Көнбатышта үз дәүләтләрен төзегән һун-гуннарны күздә тоталар. Көнчыгыштагы һуннар борынгы кытайлар белән дошманлашып, сугышып кына яшәмәгәннәр, ә икътисадый һәм культура бәйләнешләре дә урнаштырганнар һәм нәкъ шуның йогынтысында безнең эрага кадәр үк инде ижтимагый-сәяси тормышларында үзләренең риторика сәнгатен тудырганнар. Бу традиция көнбатыш гуннарда да давам иткән, ә соңрак борынгы һәм урта гасыр төркиләренең идарәчеләре һәм бәкләре телмәрләрендә, дипломатик сөйләшүләрдә, монологик характердагы язма ядкәрләрдә урын алган. Безнең карашыбызча, сүз сөрешендә риторик стиль катнашкан, хәтта өстенлек иткән Орхон руник язмалары – энә шундый ядкәрләрдән.

Төп төшенчәләр: фольклор, риторика, ораторлык сәнгате, сөйләм, стиль, фигуралар һәм формалар, рун язмалары.